

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. Н. БОЛДЫРЕВ

БАДАХШАНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

1

Существующая востоковедная литература по Бадахшану и связанным с ним областям, расположенным в верховьях Аму-дарьи, посвящена, главным образом, либо политической истории края, либо углубленному описанию и фиксации чрезвычайно интересных языков, на которых говорят и пишут припамирские народы. Несмотря на довольно значительное количество таких исторических и языковедных работ, дополняемых несколькими заметками описательно-этнографического характера, специальные исследования письменной литературы и фольклора многочисленных народов Бадахшана, в широком смысле этого названия, отсутствуют совершенно.¹

Отдельные, очень интересные, касающиеся Бадахшана сведения историко-культурного порядка содержатся в работах А. Стейна. С другой стороны, лингвистические труды, посвященные описанию отдельных припамирских языков, привлекают в качестве иллюстративного материала образцы устного народного творчества — сказки, поговорки, лирику, но при этом сознательно воздерживаются от историко-литературного рассмотрения их. Как разбросанные по отдельным работам сведения историко-культурного порядка, так и образцы собранного с лингвистическими целями фольклора, конечно, не дают достаточно цельного представления о культурном и литературном прошлом и настоящем Бадахшана и связанных с ним горных припамирских областей.

На территории афганского Бадахшана и в самом Афганистане имеют значительное распространение диалекты персидского языка, весьма близкие к бадахшанско-таджикскому диалекту в том понимании, которое присвоено этому термину в настоящей работе. Эти персидско-афганские диалекты неоднократно привлекали внимание специалистов-языковедов и в настоящее время, как мне кажется, достаточно данных для проведения соответствующей сравнительной работы, с привлечением публикуемых бадахшанских материалов.

¹ Перечисления работ по истории и географии Бадахшана см.: Г. Юль. Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи, прим. А. П. Федченко, СПб., 1873; Минаев. Сведения о странах в верховьях Аму-дарьи, СПб., 1882; A. Stein. Innermost Asia, II, 1929; его же. Serindia, 1921; В. Бартольд, Бадахшан, статья в „Энциклопедии Ислама“; А. Н. Болдырев. История Бадахшана, введение (Ист. востоковед. АН СССР, рукопись). Перечисление работ по припамирским языкам см.: И. И. Зарубин. Бартагские и рушанские тексты и словарь, АН СССР, 1937; G. Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages, II, Oslo, 1938.

Начало изучения „бадахшанско-персидского“ („афганско-персидского“) языка было положено Гриссоном в X томе его монументального труда (LSI, стр. 13, 452, 456, 527).

Вслед за этим в 1922 г. сравнительную грамматику двух очень близких бадахшанских диалектов составил Лоример;¹ существенным пробелом в компаративной части его исследования является незнание его с основными фактами таджикской диалектологии, поведшее к ряду досадных недоразумений (например установление в действительности несуществующего „суффикса винительного падежа“ — па, стр. 147).

Через четыре года после грамматики Лоримера, Моргенштерне опубликовал несколько кратких замечаний по „персидскому языку Афганистана“, а еще через два года он же — несколько прозаических и поэтических текстов на „персидских диалектах Афганистана“ (из окрестностей Кабула) с небольшой их лингвистической характеристикой,² которая, к сожалению, не учитывает данных по пянджширскому диалекту, имеющихся в этнографической работе М. Андреева „По этнологии Афганистана“, вышедшей на год ранее в Ташкенте.

Приведенные в работе Моргенштерне четыре четверостишия (под № VII) записаны со слов жителя Шугнана, для которого родным языком был, в отличие от других осведомителей Моргенштерна, не персидский, а шугнанский.

Наконец, исследованию персидского языка Кабула посвящена работа Богданова,³ в которой дана попытка разрешить вопрос о взаимоотношениях „кабули“ с таджикским языком Средней Азии, которые он считает „по существу и происхождению идентичными“, предлагая для обозначения их термины „бухарско-таджикский“ и „кабульско-таджикский“ (стр. 49).

Все перечисленные работы имели специальную языковедную направленность, оставляя в стороне вопросы истории культурной и литературной жизни края.

Таким образом, имевшиеся сведения никак не удовлетворяли поставленным в настоящей работе задачам и требовали изыскания дополнительных материалов. Источником их мог явиться только сам Бадахшан. Осуществленная мною в 1935 г., по поручению Таджикистанской базы Академии Наук СССР, поездка в различные районы автономной Горно-Бадахшанской области дала тексты, являющиеся основным материалом данной работы и приводимые ниже в несложной транскрипции в сопровождении русского перевода и необходимого комментария. Кроме того, привлечен историко-литературный материал, извлеченный из очень интересной и, повидимому, уникальной рукописи сочинения по истории Бадахшана автора XIX в. Санг Мухаммада Бадахши.⁴

Упомянутые записанные мною в АГБО тексты по своему происхождению подразделяются на две части. Первую составляют тексты, записанные в Гороне (Ғорон, غارون), небольшой области в долине Пянджа, между Шугнаном и Ишкашимом, т. е. в полном окружении припамирских народов, для населения которой бадахшанско-таджикский диалект является родным языком (подробнее о Гороне см. ниже).

¹ Lorimer. The Phonology of the Békhtiari, Badakshani and Madaglashti Dialects of Modern Persian. London, 1922.

² G. Morgenstierne. Persian Texts from Afghanistan. Acta Orientalia, VI, 1928, стр. 309 и Report on a linguistic Mission to North-Western India. Oslo, 1926, стр. 7—9.

³ Bogdanov. Stray Notes on Kabuli Persian. JASB, XXVI, 1930, № 1.

⁴ تاریخ بدخشان تالیف ملا سید محمد بدخشی و میرزا فضل علی بیگ سرخ افسر
История Бадахшана с 1675 г. по 1907 г. н. в., составленная Санг Мухаммадом

Вторая часть текстов фиксирует тот же бадахшанско-таджикский диалект, как язык местной литературы и фольклора, распространенный под основным названием *forši* среди разноязычных иранских народностей АГБО — шугнанцев, ишкашимцев и ваханцев. Он является для этих народностей как средством повседневного общения между собой („междупамирским“ обиходным разговорным языком), так и параллельным родному языком местной письменной литературы и устного народного творчества.¹

Простое сопоставление языка записанных мною литературных произведений из Горона, Шугнана, Вахана показывает, что бадахшанско-таджикский диалект как литературный язык для всего Бадахшана един, как едина и литература всего Бадахшана.² Вместе с тем, можно с уверенностью утверждать, что бадахшанско-таджикский диалект, как средство выражения народной поэтической мысли шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев и язгулямцев имеет равные (а в отношении язгулямцев и большие — см. ДРАН, 1924, стр. 177) права с их собственными родными языками. В этом и заключается роль литературы на бадахшанско-таджикском диалекте в истории культурной жизни припамирских народов.³

Весь собранный мною бадахшанский материал складывается естественным образом как бы из двух самостоятельных частей: бадахшанский фольклор и местная письменная литература Бадахшана. Обе части в свою очередь распадаются на несколько разделов, так же в значительной мере самостоятельных.⁴

и Фавл Али Бек Сурхафсаром. Рукопись Института востоковедения АН СССР, В 2311. Мною закончен полный комментированный перевод „Истории Бадахшана“ на русский язык.

¹ А. А. Семенов. Краткий грамматический очерк таджикского языка. Ташкент, 1927, стр. 18—19. Этот же факт в области разговорного языка отмечается Сурхафсаром, автором „Тарихи Бадахшон“, л. 1176 рукописи: *و اهل شغنان و روهان و خان هر کدام بلفظ و لغت و اصطلاح ديگر گفتار دارند ولي زبان عمومي شان در صورتيكه با يكدیگر ملاقاتی ميشوند بزبان فارسی تكلم مينمايند.*

„Жители Шугнана, Рушана и Вахана говорят на собственных языках, однако языком их общения между собой является язык персидский“.

² Некоторые второстепенные отличия фонетического порядка в текстах, происходящих из Горона и Шугнана, не играют в этом смысле решающей роли. Это, конечно, никак не предвещает вопроса о сходстве или расхождении бадахшанско-таджикского диалекта, употребляемого в качестве разговорного языка, в устах горонца, шугнанца, ишкашмца и т. д. Литературным материалом, могущим показать эти расхождения, если они существуют, могла бы явиться сказка, язык которой наиболее близок к языку обиходному. Однако анализ этого вопроса не входил в задачу настоящей работы.

³ Из названия доклада, сделанного 5 мая 1933 г. и, к сожалению, не напечатанного, можно предположить, что этих же вопросов касался И. И. Зарубин. См.: Сб. „Язык и мышление“, II, 178. Доклад носил название „Персидский язык и персидский фольклор в припамирских странах“.

⁴ Содержание первого раздела составляют некоторые общие сведения о самом Гороне, географическое описание, краткая характеристика горонского диалекта, некоторые данные по истории Горона. В качестве приложения дана карта распространения горонского диалекта и некоторые сведения этнографического характера. В дальнейшем предполагается опубликовать характеристику основных черт бадахшанской фольклорной поэзии и прозы и местной письменной литературы на бадахшанско-таджикском диалекте.

Настоящая работа была начата по поручению Таджикского филиала Академии Наук СССР в 1935 г. Большую помощь в дальнейшей обработке оказал мне Институт востоковедения АН СССР и Государственный Эрмитаж, где я имел, в частности, возможность пользоваться единственной в Ленинграде фотокопией рукописи „Тевкире“ Малихо, переданной в Эрмитаж Пушкинским обществом.

ГОРОН

I. ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ

Горон (yoron) غاران — это название небольшой области, расположенной по берегам Пянджа, часть которой находится на территории Автономной Горно-Бадахшанской области Таджикской ССР, а часть на территории Афганистана, между Шугнаном и Ишкашимом. Кишлаки советского Горона лежат как на узком пространстве ровной и лишь местами пригодной для обработки земли между рекой и подступающими к ней горами, так и внутри узких и коротких боковых ущелий, по которым протекают небольшие бурные речки,¹ впадающие в Пяндж. Общее протяжение территории Горона по берегу Пянджа составляет около 65 км. В советском Гороне всего 15 кишлаков (считая мелкие хутора-выселки в 2—3 хозяйства), в которых проживает несколько сот человек коренного населения.

Через Горон, по берегу Пянджа, проходит основная выючная тропа, которая является единственным в этом районе путем, связывающим Шугнан и Дарваз (а через них и Таджикистан) с Ваханом, собственно Памиром и с китайской границей.²

С запада и востока Горон естественно ограничен теми высокими горными хребтами, между которыми расположена очень узкая в этом месте долина Пянджа с небольшими полосками культурной земли по обоим его берегам на склонах этих хребтов.³ На севере граница Горона лежит между последним шугнанским кишлаком и расположенным выше его по течению первым горонским (Хасхараг, см. ниже⁴); на юге Горон кончается между последним горонским кишлаком (Баршор, см. ниже, стр. 285) и расположенным выше его по течению кишлаком ишкашимским (Мальводж).⁵

Приводим список горонских кишлаков в транскрипции, принятой для всех, помещаемых в настоящей работе текстов. В этом списке кишлаки⁶ перечислены в направлении с севера на юг; звездочкой отмечены кишлаки и выселки, расположенные не на берегу Пянджа, а в одной из двух горонских боковых долин: хасхараг, andarob, soindara*, devlox(y)*, süniб, žənd, yorj*, xosgūni*, kūylal, sist, vogz, šambede, qozde, baršor, bəyəs.⁷

¹ dargou. Пример этого слова в контексте см.: A. N. Boldirev. Namunaji folklori toçik, Naşr. Davtoçik, 1933, четверостишие № 688. Этим обусловлено часто применяющееся обозначение كوچه غاران, т. е. „Горонский проход“, а отнюдь не „Тесные пещеры“ — ложная этимология, принадлежащая английскому путешественнику Троттеру и повторенная Минаевым. См.: Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи, СПб., 1882, стр. 30, 48.

² Сводку упоминаний Горона в трудах путешественников по 1878 г. см.: Минаев, цит. раб., стр. 30—31, 49—49; там же, указатель. Новейшие данные приведены у А. Стейна. Innermost Asra, II, 871, 877 со ссылками на другие источники.

³ Ср. Минаев, цит. раб., стр. 30, 48, 156.

⁴ Ср. Минаев, цит. раб., стр. 31.

⁵ Ср. Минаев, цит. раб., стр. 30.

⁶ Только правобережные; о левобережных (афганских) см. ниже.

⁷ Полного списка горонских кишлаков до настоящего времени опубликовано не было. На общих картах отмечены лишь некоторые из них. Неполюно и, главное, неточно обозначены горонские поселения на специальной карте в книге „Каттаган и Бадахшан“ Бурхан-уд-дина Кушкеши (пер. с перс. А. А. Семенова, Ташкент, 1926, стр. 138—139; карта к разделу „Зебак“).

На карте Кушкеши находим следующие правобережные горонские кишлаки: Шаст, Сист, Афджер, Вавез, Шеменди, Дех-кази, Бершар.

В этом списке недоумение вызывают Шаст и Афджер. Шаст помещен на место Куйлала, Афджер помещен между Систом и Вогзом (у Кушкеши „Вавез“). В настоящее время между этими двумя пунктами никакого поселения нет; трудно предположить,

Пятнадцатью перечисленными названиями, таким образом, исчерпывается список поселений советского Горона. Отличаясь от своих соседей шугнянцев, ишкашимцев и ваханцев, как было указано, по языку, горонцы схожи с ними в отношении быта, одежды, форм хозяйства. Горонцы, как и их соседи, — коренное земледельческое население края.¹

Как показано на прилагаемой карте, Горон, в широком смысле этого обозначения, занимает оба берега Пянджа.² Левобережный — афганский Горон состоит из высоко расположенной площадки, называемой Горони Боло. Верхний Горон, благодаря его высокому положению, невозможно увидеть с единственного проходящего через Горон пути — выючной тропы по берегу Пянджа. Этим объясняется то обстоятельство, что из проходивших через Горон путешественников о верхнем Гороне упоминает, и то по слухам, один лишь Троттер, которому было сообщено, что Горони Боло — это большая деревня, в которой около ста домов.³ Ряд кишлаков Верхнего Горона расположен непосредственно у Пянджа, как это имеет место на правом берегу. Эти кишлаки būdorbund, cūksang, šexbek, gālboṭ, zeṣ, andoṭ, paṭobod. К ним местные жители прибавляют название еще трех поселений, которых, впрочем, с правого берега не видно: uifṣ, waṇūd, qozde. Для Верхнего Горона назывались следующие кишлаки: ūneḍ (|| ūned), dorumador, safedsang, sūnd, žorvaḥ, tiršore, bezlinṭ. Самый большой из них — Унез; в Дорумадоре имелось, якобы, медресе.

На упомянутой карте Кушкеки (стр. 138—139) афганский Горон определен как округ, входящий наравне с Ишкашимом в состав Зейбака (Зебака). Однако в дальнейшем „...при образовании из Зейбака особой административной единицы, он [Зейбак. — А. Б.] сделался волостью первого класса и в нем остались только самый Зейбак и Ишкашим до Горона“ (стр. 146). Куда отошел Горон после этого преобразования, остается невыясненным. Приведенные на карте Кушкеки кишлаки афганского Горона носят следующие названия: Чек, Сенг-Яфуч, Шейх-Бек, Дех-Нау, Горон, Зич. Из этого списка Чек, повидимому, можно отождествить с Чуксанг нашего списка, Сенг-Яфуч с Йифч, а Дех-Нау с Науобод. Под „Гороном“ же, очевидно, следует понимать населенный участок Горони-Боло, в действительности имеющий несколько перечисленных выше кишлаков. Таким образом, Горон, как целое, представляется значительной, в условиях Западного Памира, культурной территорией. Расспросные сведения показывают, что между правобережным и левобережным Гороном существуют этническая, языковая и культурная общность. Горон, в свою очередь, этнически, языково и куль-

что такой кишлак существовал во время составления описания Кушкеки (1923) и затем исчез. Нет в Гороне и такого кишлака, название которого хоть отдаленно напоминало бы слово „Афджер“. Другие приведенные Кушкеки названия весьма искажены, но все же легко отождествляются с приводимыми настоящими названиями.

Баршор упомянут у Минаева (цит. раб., стр. 30, 48). Оба эти кишлака, т. е. Козде и Баршор упомянуты также в „Тарихи Бадахшон“, л. 112, в качестве местопребывания Искандар-хана, сына последнего представителя династии бадахшанских эмиров — Олим-хана, изгнанного из Бадахшана афганцами. Привожу перевод соответственного места: „В 1315 г. х. (соответственно 1896 г.) Искандар-хан, сын Мир-Олим-хана, сына Шо Сулаймон-бека, прибыл из Бухары в Шугнан. Проведя некоторое время в Шахдаре, одной из областей Шугнана, переселился он в Горон и в настоящее время снискивает себе пропитание, проживая в деревне Козидех и Баршор“. Известие „Тарихи Бадахшан“ относится к 1907 г. Названия кишлаков выглядят в арабской графике рукописи следующим образом: قاضی ده و برشور.

¹ Ниже приведены план горонского дома. См. стр. 294.

² Ср. Кушкеки, цит. раб., стр. 147.

³ Минаев, цит. раб., стр. 30, 48.

турно был в прошлом связан с Бадахшаном,¹ и на протяжении своего существования разделял его сложные исторические судьбы совместно с другими припамиирскими областями — Шугнаном, Ишкашимом и Ваханом.

2. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОНСКОГО ДИАЛЕКТА И РАЗГОВОРНЫЕ ТЕКСТЫ²

Диалект правобережного Горона принадлежит к той ветви персидского языка, которая представлена в многочисленных, частично уже описанных в лингвистической литературе, диалектах и говорах, распространенных на территории Хорасана, Бадахшана и Афганистана.³

В помещаемых ниже текстах консонантизм горонского диалекта выражается следующим образом:

r, l, m, n, p, b, t, d, č, ĵ, k, g, q, ' , h, f, w, v, s, z, š, ž, y, x, ġ, h.

Вокализм:

o, e, i, ī, a, ū, u, ū, ə.

Принятая система знаков подразумевает те же звуковые соответствия, что и в напечатанной мною ранее работе, содержащей таджикский фольклорный текст⁴ со следующими дополнениями: для горонских текстов — наряду с долгими ū, ī — отмечаем и краткие u, i. Наряду с u, i в горонском комбинаторно появляется особый звук, обозначаемый здесь как ū̇. Затрудняясь дать точное фонематическое определение, отмечу лишь, что этот звук не является, как мне кажется, самостоятельной фонемой и акустически производит именно то впечатление среднего значения „между двумя французскими звуками — u в слове *еti* и eu в слове *reu*“, как выражается Лоример, определяя один из звуков в диалектах бадахши и мадаглашти.⁵ По моему представлению, дело идет об одном и том же звуке для горонского и для бадахши, который, вслед за Лоримером, обозначается в настоящей работе также знаком ū̇. Следует отметить, что ū̇ в горонском особенно часто наблюдается в окончании уменьшительной формы имен, типа 'mardūk', — человек, мужиченка. Особенно ясно слышалось ū̇ в названии одного из горонских кишлаков sūnib (см. выше, стр. 284) и в слове 'gūrūft' (|| 'gīrīft'). В связи с последним, интересно отметить хорасанские формы 'gūrūfta', 'gūrūktum', приводимые В. Ивановым.⁶

Из приведенных знаков надстрочными являются ' , h; надстрочными также могут быть u, ə, h. Надстрочное положение ə соответствует очень беглому, редуцированному произношению его, которое в послелучном положении доходит до нуля звука. О надстрочном значении h и ḣ см. ниже. Краткое u в надстрочном положении фигурирует в поэтических текстах, в случае „артикуляции полугортности“, т. е. выражаемого голосом полноценного количества (1 + 0.5) более чем долгого, по требованиям поэтического размера, слога. Кроме того, u появляется иногда на месте изафета (u изафета), что обычно отмечается специальной сноской в примечании к каждому данному тексту.

Произносимый слитно с исходом предшествующего слова союз повсюду условно обозначен как — u с предшествующим дефисом, хотя

¹ Ср. А. Стейн, цит. раб., II, 877, Кушкеки, цит. раб., 138; Зейбаки.

² Сообщаемые ниже сведения — наблюдения над некоторыми фактами горонского диалекта — никак не претендуют на полноту и даны лишь в силу того, что до настоящего времени в научной литературе о горонском диалекте никогда не упоминалось.

³ Гирсон ошибочно включил Горон в территорию распространения шугнанского языка (АСИ, X, 455).

⁴ К фольклору Таджикистана; Тр. Тадж. базы АН СССР. III, Лингвистика.

⁵ См. Лоример, цит. раб., 131.

⁶ W. Ivanow. Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan, JASB, XXI, 1925.

распространения Горонского диалекта (ґороні)

34°

в некоторых случаях он может быть *ə* или *ū*. В поэтических текстах этот союз встречается также в форме *i*, которая тщательно отмечалась примечанием всюду, где приходилось ее встретить. Неслоговому *u* присвоено обозначение *u*.

Ударение главное и второстепенное отмечено полностью только в разговорных текстах. В остальных текстах ударение отмечено только в тех случаях, когда оно стоит не на обычном, ожидаемом, по аналогии с другими случаями месте, или же когда оно отличалось особой эмфатичностью (в поэтических текстах — ритмический икт).

Переходим к описанию некоторых характерных черт горонского диалекта, привлечших к себе внимание при записи приводимых ниже текстов.

В горонском диалекте сильно проявляются неустойчивость произношения гласных и согласных либо в том же положении, либо даже в одном и том же слове в устах не только разных носителей диалекта, но часто даже одного и того же лица.¹

Многу отмечены следующие произвольные замещения:

Вокализм	Консонантизм
<i>i</i> <i>u</i> <i>ü</i> <i>ə</i>	<i>h</i> <i>y</i>
<i>a</i> <i>ū</i> <i>ə</i>	<i>b</i> <i>v</i> <i>w</i>
<i>e</i> <i>i</i>	<i>h</i> <i>h</i>
<i>u</i> <i>ə</i> <i>ū</i>	

Примеры: *rašk* || *rüşk* || *rəšk*; местоим. суфф. 3 л. — *aš* || — *əš* (редко); *šikast* || *šəkast*; *čil* || *cəl*; *çi* || *cu* (в поэзии); глагольный преф. *bi* || *bu* || *bə* || *bü*; *gird* || *gərd* || *gürd*; *nism* || *nüşm*; *šud* || *šü(d)* || *šəd*; *biku* || *bikū* || *bikə*; суфф. уменьш. — *ak* || — *ük*; *nist* || *nest*; глаг. преф. *mī* — || *me* —; *tobi*, *toli* но *voqe'*; *miva*.

Эти примеры могут быть умножены для всех случаев так наз. „йоби маджхул“, включая глагольные окончания 1 и 2 л. мн. ч.

Замещение *ū* || *u* || *ə* имеет место в словах *tu*, *du*, *bud*, хотя в большинстве случаев имеем только *u* || *ə*, а *ū* появляется скорее в случаях эмоциональной окраски, например в специфическом повествовательном речении (в сказках).

Замены *h* || *y* имеют место в интервокальном и исходном положении: *rahim* || *rauyim*; *ohanin* || *ouanin*; *roh* || *roy*. В то же время, средняяязычный палатальный спира́нт как средство для устранения зия́ния не появляется, и зия́ние с точки зрения горонского диалекта совершенно терпимо: *liož* (добро), *moī* (с падением спира́нта), многочисленные случаи присоединения изафета в приводимых текстах и т. п. Интересно зафиксированное в латинизованном горонском автографе (см. ниже) написание *raihon*, где в графике отражено горонское переосмысление палатального спира́нта в межгласном положении.

Для замещения *b* || *v* || *w* имеем примеры: *ob* || *ow* || *ov*; *seb* || *sev* || *sew*; *avol* || *awol*. Однако в межгласном положении обычно имеем *b* || *v* → *w* („*öwusa*“). Кроме того, в исходе преобладает *u*: *oç*, *seç*, *aftoç*.

Неустойчивость проявляется также в спира́нте *h*, в смысле постоянно наблюдаемой его тенденции к достижению нуля звука. В среднем положении это ведет к удлинению предшествующего гласного, что для слу-

¹ Интересно отметить, что неустойчивость вокализма, как специфическая особенность, отмечена С. И. Климчицким и для ваханского. См.: Тр. Тадж. базы АН СССР, IX, стр. 78. По диалектальной неустойчивости см. также: Г. В. Миллер. О диалекте города Шустера. „Иран“, III, стр. 75.

чая краткого а дает появление несуществующего в качестве самостоятельной фонемы долгого ā. Последнее особенно ясно в шугнанском произношении бадахшанско-таджикского диалекта. В горонском спирант h практически обладает любым количеством в промежутке от полной артикуляции до нуля звука, причем преобладают значения, более близкие к нулевому. В приводимых текстах для этих значений знак h выносится над строкой.

Примеры: šaḥhar || šaḥ^h ar || šawar; sarhad || sar^h ad || sarad; mahtou || ma^h tou, || ma(ā)toḥ; badih || badi^h || badi; šahr || ša^h r || šār; lahza || la^h za = lāza; с выпадением предшествующего краткого гласного bahor || bor.

Наиболее сильно падение h в начале слов, во всех тех случаях, где мы имеем в литературном правописании персидского языка знаки ^ا и ^ح: azor, am, eṣ, alok, omila.

Приведенные примеры неустойчивости не исчерпывают всего ее действительного объема. Она имеет место и в ряде других случаев; некоторые из них будут отмечены ниже при описании других особенностей горонского диалекта, в частности морфологического порядка. В приводимых текстах неустойчивость отражена полностью в той мере, в которой она появлялась при записях, чем и объясняются значительные встречающиеся в них „непоследовательности“.

Глухой спирант h, как самостоятельная, хорошо воспринимаемая на слух фонема, отмечен нами в горонском только в следующих случаях: 1) комбинаторно наряду с h в качестве своеобразного приступа к начальным гласным слов; 2) в положении, соответствующем знаку ^ع литературного правописания.

Для первого случая примеры многочисленны; они постоянно слышались и в живой речи и во время диктования художественного произведения для записи.

Неустойчивость проявляется для явления приступа в полной мере; приступ может иметь, но может и не иметь места в устах одного и того же носителя диалекта, может осуществляться при помощи h и h с совершенно произвольным замещением их. Повидимому, никакой системы здесь не существует.

Примеры: az || ^h az || ^h az; ob || ^h ob || ^h ob; adab || ^h adab || ^h adab; in || ^h in || ^h in; iloḥ || ^h iloḥ || ^h iloḥ; aql || ^h aql || ^h aql.

В последних двух случаях приступ по своему положению соответствует „айну“ литературного написания; однако нет оснований считать его здесь замещением айна, так как айн ^ع не может существовать в представлении иллитератов, артикулирующих приступ и вовсе не знающих айна в других положениях.

Для случая замещения айна глухим спирантом h, имеем, однако, очевидные примеры — waz^h и šam^h (в записанных мною в Гороне фольклорных стихотворениях). Сюда же, повидимому, следует отнести пример из приводимого ниже документа-автографа: 'jamohat' с неустойчивой заменой h — h.

Для вокализма горонского диалекта характерно полное отсутствие фонемы 'ū' (вав-и-маджхӯл), в том виде, как мы ее наблюдаем в северных таджикских говорах.

О наличии в горонском фонемы ū сказано выше, так же как и о замещениях e=i.

Одной из существенных особенностей горонского диалекта является удивительная для всякого свыкшегося со спецификой разнообразных таджикских говоров „литературность“ произношения отдельных слов, т. е. полное выговаривание всех обозначаемых в персидском литератур-

ном правописании данного слова знаков. Это явление характерно, прежде всего, для разговорного языка горонских иллитератов.

Так, наблюдаются полные выговаривания *ast*, *az* с очень редкой заменой на диалектальное *au*, систематически наблюдающееся в таджикских говорах. Далее, одной из характернейших черт последних являются, как известно, значительные отклонения от литературной нормы в формах настоящего времени глагола *dodan*. В горонском же имеем постоянно *medihi*, *bidih* и т. п. Пример *medem* (сказка) стоит совсем одиноко. Очень редки случаи падения личн. оконч. 3 л. ед. ч. во всех глаголах. Признак косвенного падежа преобладает в форме —го со сравнительно редкой заменой на —га и —а (после согласного исхода).¹

С литературным персидским языком роднит также почти полное неупотребление временных образований со вспомогательным глаголом *istodan*. Во всех записанных горонских текстах, таджикское настоящее время с *istodan* встретилось чуть ли не один раз в сказке. В разговорном общении мне не удалось наблюдать ни одного случая применения этой формы, которая, впрочем, вполне понималась горонцами, но, если можно так выразиться, не встречала никакого сочувствия. Так же редки именные отглагольные образования на —gi. Интересен случай *'mekāz-tagī* в значении 'убивший' (тоже в сказке).

С другой стороны, в горонском наблюдается ряд специфических черт, не свойственных литературной норме персидского языка. В области глагола имеем, например: 1) Падение согласного исхода в повелительном наклонении: *bindo* (*andoxtan*); *bāxū* (*xūrdan*); *bikā* (*kardan*); *bāxe* (*xestan*). 2) Падение окончания 2 л. ед. ч. настоящего и прошедшего времени (*karday*, *istoday*, *meguy*). 3) Употребление 1 л. мн. ч. в значении единственного числа. 4) Наличие своеобразной вопросительной частицы —o: *tu mēray—o?* „Пойдешь ли ты? а ты пойдешь?“ 5) Временные и модальные функции глагольных префиксов *me* и *bi* — не в литературно-персидском их значении, а в таджикском.

В области склонения, для горонского свойственны падежные образования с *'qatī*, употребляемого как в качестве предлога, так и в качестве послелога. Сравнительно редко встречается послелог —*anda*; *'gar-minda* — 'в жару'. Послелог —*anda* сочетается с предлогом *'da* — *'da—īn xonānda*. Аналогично имеем *ba—ba*: *'ba—ūjo—ba*. Последние два случая имеют, как известно, интересную параллель в более древних стадиях ново-персидского языка („Шах-намэ“, „Вис и Рамин“ и редко и в более поздних текстах). Одновременно отметим форму предлога *da* для *dar*.

Интересно образование уменьшительных именных форм. Наряду с отмеченным выше —*ak* || —*ūk* имеем —*ek* (*xārdtek*, *maydek* (на который наращивается дополнительно —*ūk*: *'maydekūk*).

Среди местоимений привлекает внимание форма *'ī* (косвенный падеж —*'īra*), выполняющая функцию личного местоимения 3 л. ед. ч., наряду с *ū*, *vaу*. Следует предположить, что в данном случае мы имеем дело не с параллельной формой для *ū*, *vaу*, а с применением усеченного указательного местоимения *īn* в функции личного местоимения.

Отдельно стоит вопрос об особенностях в текстах, записанных от двух обосновавшихся в Гороне зебакцах, — Партови и старшего брата его Шакара. При всей длительности пребывания их в Гороне, в их языке могли все же остаться некоторые зебакские особенности, для описания которых у меня нет достаточных оснований. Оба они утверждают, что в Зебаке также господствует — „форси“, однако Шакар

¹ Так же, насколько мне известно, в дарвазском.

одновременно указал на значительную разницу между зебакиским и горонским, в нелестном для первого смысле (см. „Разговорные тексты“, фраза 31). Сведения Партови и Шакара о языке жителей Зебака сходятся с данными Грирсона, Моргенштерне и Кушкеки.¹ В языке Партови и Шакара, в отличие от горонского, почти не ощущается описанного выше спирантного приступа. Партови употреблял форму прошедшего времени *šū*, в горонском аналогичного падения не наблюдалось. Интересны случаи применения в сказке неопределенного местоимения *kas* с явным ослаблением его семантики:

xédaš kas yak tawaki non došt.
boz kas dəbora geft
ino kas qati — amdigari dūst šədand.
i girifta kas sūрати ūro
tə zūri kira kas nišon dodi.

Горонская лексика богата местными особенностями, одной из которых является значительный архаизм. В разговорном языке фигурируют такие выражения, которые в персидском и таджикском литературном языке давно вытеснены соответствующими арабскими дублетами. Так, имеем *pazīr kardan* (вместо *qabūl kardan*), *ofarin* (вместо *borakallo* и *alhamdulillo*), *sarišta* (вместо *asbob*), *vada* в очень старом значении ‘время’, в противоположность современному ‘обещание’ (см. „Разговорные тексты“, фраза 24).

В горонском словаре имеются также заимствования из шугнанского. Так, например, встречающееся в „Разговорных текстах“, фраза 28, слово *oqila* значится в словаре И. И. Зарубина как слово бартангское, в форме *aqlā*, в значении ‘трудный, опасный’.

Приводим несколько примеров горонских слов, не вошедших в приведенные тексты и, к сожалению, не подтверждаемых фразеологией: *tit kardan* — бить; *maala* — старое здание (в противоположность *hamorat* — новое); *mazina* = *qəloq*, в объяснении горонца ‘*ta’na zadan*’; *teul* — случка; *voskati angrez* английский жилет, название очень распространенной части костюма (ср. Лоример, цит. раб., словарь, s. v.; так же *būt* — „Разговорные тексты“, фраза 11).

Многочисленны случаи местных перестановок и замещений: *aqmaq* (*ahmaq*); *birkəll* (*bilkull*); *mašūl* (*mašūl*); *taqbīnan* (*tahmīnan*).

Приводим некоторое количество фразеологического материала, почерпнутого из живого разговорного общения с горонцами („Разговорные тексты“). Разговорным текстам предпослана копия (с полным сохранением написания) любопытного документа — горонского автографа. Этот автограф горонца *ḡəlom sain*, жителя хутора около кишлака Жунд, был написан на небольшом куске бумаги, прибитом к дереву, о котором в документе и идет речь.

ba nomi šuroi čamohat
oqoroin raihoni vaxon
ariza
az tarafi oqulom Saihn — baroi
šumo malum mešavad faqat daraxti
oqulomsain.

„Сельсовету || Горон района Вахан || Заявление || от Гулом Сайн’а || .
 Вам [пусть] будет известно || [что] только дерево || Гулом Сайн’а“.²

¹ См. ЛСИ, X, 480. Report etc., 72; Indo-iranian frontier Languages, II, 287. Кушкеки, цит. раб., 138.

² Т. е. что дерево принадлежит исключительно Гулом Сайн’у.

Разговорные тексты¹

1. kadū dar-ín mælk ná-mepazà in mælk sar^hád-ast.
Тыква в этой земле не вызревает, эта земля — граница.^[1]
2. birinǵ-am qatí méndozàn yo xolí mépazà? xoyí birinǵ méndozí xoyí xolí mépaza.
Рис прибавляют или же так варится? — Хочешь, рис прибавляй, хочешь — так сварится.
3. tū aǵáb loǵár hastí mo méǵūim rākəftá.
Ты удивительно худ, мы называем это „побитый дорогой“.
4. partóǵ šədi-ó? ne ūriatár agar šavam.
Устал? — Нет, [вот] дальше может быть устану.
5. qatí jūoz omadi-ó?
Самолетом прилетел ты? [:]
6. méǵəm amín mo^h da^h šəďást-ó?
Я говорю: „этому месяцу десять [дней] прошло ли?“
7. čikor mékní? *alóǵ méǵirəm čəkór méknəm.
Что делаешь? — Огонь беру, что делаю.^[3]
8. čan dāromadid šəmo? ast yak sī sol albátta.
Сколько вам лет? — Тридцать уж есть наверное.
9. čan dāromadi bobó? šasta pər kardəm ^haftód dāromadəm.
Сколько тебе лет, дедушка? Шестьдесят исполнил[ось], в семьдесят вошел.
10. lés^{ka} biór ba govó bəlesa mo bəďušim šir kənád.
Принеси камень^[4] коровам, [пусть] полижут, мы подоим, они дадут молоко.
11. mo būta ná-metonim čamūs méknim
Мы ботинки не умеем [изготавливать], чамусы делаем.
12. ǵoroni boló xūb mælk-ay ówəša bin!
Верхний Горон хорошее место, посмотри на его воду!
13. amín zānəšəst.
Это его жена.
14. səni man bəndo man méxūrəm.
Передай мне [ложку], я поем.
15. bindóǵ bixū
Запускай [ложку и] ешь!
16. qərūt garmında xub serūn-ay
Курут в жару очень охлаждающ!
17. amiqā-ki mėsūrəm nómi ū ay zī^h nəm raft
Как ни ищу, имя его из памяти моей исчезло.
18. čuqai-ki kardəm digar paydó ná-šəd.
Чего я только ни делал, больше не нашлось.
19. dar maní zer méoim maníša ǵəftán ná-metonim.
С объяснением смысла мы не справляемся — смысл объяснить не можем^[5].
20. hamá mivá va har qism ǵəló hástənd dar bóǵ váyro ǵəl-ə-məl-méǵū-
yap
Всеякие фрукты и всевозможные цветы имеются в саду — их и называют „гуль-у-муль“.
21. daryó bisyór moí dorad ámmo ná-megirím sarištáyí móǵirí ná-dorím.
[B] реке много рыбы, но не ловим мы, рыболовной снасти не имеем.

¹ Примечания к отдельным словам см. в конце „Разговорных текстов“.

22. *tū bio būši kāmī sə^h bāt bəkó*
Иди сюда, садись, побеседуй немножко!
23. *jang méforatōn ba maydōn béroīd*
Если вам хочется драться, выходите на поле!
24. *amtari būd-ki dar vadāi zimistōn royam nəqsi šəd itari nojuri zūr-ast o parvardigōr*
Так случилось, что зимой нога моя больной (поврежденной) стала.
Такая болезнь жестокая, о, создатель!
25. *oli malūm šavād nā-dodagī mo.*
Сейчас выяснится, что я не давал!
26. *der kardī ammo jald méoi xūb?*
Поздно ты [вышел], но поскорей вернись, хорошо?
27. *bədi^h bədi^h ba mo dorūta royam kafidagī*
Дай, дай мне лекарство твое, у меня нога растреснута!
28. *āspašrō ba-rāhi oqilā (qalb) bərdast ʔel šədəst ba-šāx zādašt.*
Лошадь свою по трудной дороге повел, поскользнулась, о скалы ударилась.
29. *āspro ba-zākk nā-bar-ki čəry məšavā*
Не води лошадь в болото, завязнет!
30. *mo mėgūim ba-āsp panzilā kənim ba-xār yakkabór (təqabór).*
Мы говорим: на лошадь [груз] выючим [способом] „панзила“, а на осла [способом] „яккабор (токабор)“.
31. *porši zebók fōš-āstu bedarāk mėgūyānd nəmeravyā bió məravem.*
Персидский язык Зебака нечистый и никчемный. [Они] говорят: nəmeravya [вместо]: bio meravem.
32. *bió bačā yak falakī bizān*
33. Давай, парень, сыграй и спой falakī!
33. *az-barōi-ki mēmūrūm nōmī man mēmonā babrūk qallot soxt.*
Для того, чтобы — „Умру, [а] имя мое останется“ — Бабрук построил башни^[6].

Примечание

[1] Под „границей“ в этом смысле во всем Таджикистане подразумевается высокогорная местность с предельно высоким земледелием.

[2] Весьма примечательно употребление обычного термина *jūoz-juvoz (jəvoz جواز)* для обозначения самолета, пропеллер которого и дал основание для сдвига старой семантики. С этим обозначением интересно сопоставить термин *čāxī falāk* — название сказочного летательного прибора.

[3] В ответе выражено неудовольствие, ввиду самоочевидности зания отвечающего.

[4] Камень, облитый соленой водой. Его дают лизать коровам непосредственно перед и во время доения.

[5] Эта фраза явилась ответом на просьбу объяснить непонятное место в только что записанном у таким образом ответившего горонца четверостишии.

[6] Эта фраза представляет собой ответ на вопрос о происхождении так называемого *qallot* или *kallot*.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

Исторические сведения

Некоторые частные сведения об истории правобережного Горона могут быть извлечены из двух приводимых ниже рассказов жителей Горона.

Первый из них принадлежит 115-летнему старику Райму из кишлака Вогаз. Сообщаемые им сведения о заселении правобережного Горона относятся к сороковым годам прошлого столетия. Это наиболее ранние

сведения от очевидца, так как Вуд, проезжавший через Горон в конце 30-х годов, сообщает о нем только в связи со своей неудачной попыткой достичь рубиновых рудников. Описание Горона другим известным английским путешественником Троттером относится к гораздо более позднему времени (Форсайтовская экспедиция 1873 г.). Как явствует из рассказов, Раим переселился из Горони Боло и участвовал в основании поселений Гармчашма и Куйлаль. Ко времени переселения Раима „вся [местность] была дикой“ (т. е. необработанной, фраза 8). Крепость Сист уже лежала в развалинах. Остается неясным, являлась ли ненаселенность и необработанность края результатом узбекского набега, или же Раим и его спутники действительно были первыми поселенцами края.

Упомянутый в рассказе Раима сверстник его Киобек, один из старейших обитателей Гармчашмы (Жунда), благодаря преклонному своему возрасту не был в состоянии дать мне какие-либо дополнительные сведения. Приводимая Раимом ссылка на правление Мири Шо подтверждает общую хронологическую правильность его рассказа: Мири Шо, или Мир шах Заман-уд-дин из династии бадахшанских эмиров, действительно правил в 40-х годах Бадахшаном¹ и ему наследовал в 1864 г. его сын Джахандар шах.

Второй текст — рассказ Мамад Азима, жителя кишлака Сист, 41 года, имеющего образование в размере двухлетнего обучения в медресе в кишлаке Дорумадор Верхнего Горона, посвящен истории крепости Сист.

Рассказ изобилует значительными анахронизмами. Разрушение крепости приписывается владельцу Каттагана Мадмурод беку (Мухаммад Мурад-бек), действовавшему по наущению своего пйра Косим-ходжа: в то время крепость находилась в зависимости от Китая. Китайский наместник в крепости Мири Тура спасается от нападения Мадмурод-бека к правителю Шугнана — Ша-ванджи-хану. Разрушение крепости рассказчик относит ко времени „более двухсот лет тому назад“ (фраза 2), т. е. очевидно к 20—30-м годам XVIII в., „когда дед мой был мальчишкой“ (там же).

Последнее указание также дает основание для приблизительных датировочных подсчетов. Учитывая, что рассказчик родился в 1895 г., и условно полагая возраст отца и деда при рождении отца рассказчика и самого рассказчика в 50 лет (маловероятный максимальный допуск), в лучшем случае получаем для рождения деда 1795 г., т. е. для времени, „когда дед был мальчишкой“, имеем приблизительно 1805 г. Эта дата находится в значительном противоречии с первым указанием о двухсотлетней давности события.

Противоречие отчасти устранимо предположением о том, что рассказчик имел в виду не деда, а прадеда (слово 'бобо', которым обозначен в рассказе дед, может означать распространенно и 'прадед').

Продолжая наше вычисление, получаем в этом случае 1775 г., все же слишком удаленный от совпадения с „двухсотлетней давностью“; не более удовлетворительный результат получается из сопоставления действительной хронологии других упомянутых в рассказе (в качестве современных друг другу) лиц и событий, т. е. зависимость от Китая, Ша-Ванджи-хан, Мадмурод-бек и пйр его Косим-ходжа.

Китайское политическое влияние ощущалось в Припамирье после второго военного продвижения китайцев в Бадахшан, имевшего место в 1759 г. Это продвижение отмечено китайской надписью на камне,

¹ Кушкеки, цит. раб., стр. 98—99, с прим. 32. В „Тарихи Бадахшон“ как раз для этого периода происходит хронологическая путаница.

установленном в Аличурских Памирах на поле битвы между китайцами и кашгарцами, бежавшими затем в Бадахшан.¹

Легко согласиться со Стейном, что местная устная традиция² о китайском господстве, представленная в нашем рассказе, восходит именно к этому — последнему в новой истории — столкновению Бадахшана с Китаем.

Упоминаемое нашим рассказом имя „Бааджин“ встречается еще раз в записанных мною текстах, а именно в легендарной истории горонского рубинового рудника, причем передававший легенду отождествил Бааджина с Махмудом Газневи. В действительности среднеазиатское „Бааджин“ это, как известно, китайское „Бейпин“, с перенесением названия города на обозначение человека, олицетворяющего верховную власть Китая. С именем Махмуда Газневи в Бадахшане принято связывать все „древнее“, „великое“ и потому более или менее неясное.

Китайское влияние в Вахане, Шугнана, а следовательно и в Гороне, было, повидимому, весьма непродолжительным и малоэффективным. Если предположить, что рассказчик предания о разрушении крепости имел в виду, как указано выше, не деда своего, а прадеда, то в этом случае будем иметь более или менее удовлетворительное хронологическое совпадение: китайское господство — 1759—1760 гг. и вероятное детство прадеда, как событие, современное разрушению крепости (1755—1760 гг.).

Следующее упоминаемое в рассказе лицо — Ша-Ванджи-хан, владетель Шугнана. „История Шугнана“ дает точную датировку его правления: 1202—1214 г. (1787/8—1799/80). В „Тарихи Бадахшон“ подробно излагается история захвата Ша-Ванджи-ханом Бадахшана и трехлетнего его владения (с 1204—1789/90 по 1207—1791/2) всей областью, владения, осуществлявшегося через посредство наместника, некоего Баходура из тюркского племени Карлиг.³

Даты владения Ша-Ванджи Бадахшаном определяются датой воцарения бадахшанского эмира Мухаммад-шаха, свергнувшего власть захватчика в 1207/1791—1792 г., и двукратными упоминаниями о том, что скитания Мухаммад-шаха, изгнанного Баходуром Карлиг, продолжались три года до его восшествия на престол. Эта датировка не противоречит сведениям о правлении Ша-Ванджи в „Истории Шугнана“, хотя в последней и нет ни одного слова о распространении власти Ша-Ванджи на весь Бадахшан.

Бурхан-ад-дин Кушкаки, упоминая о Ша-Ванджи, как обычно, не дает никаких дат и сообщает лишь, что Ша-Ванджи распространил „свое владычество до пределов Бадахшана и Читрала“ (стр. 181).

Отсутствие противоречий в перечисленных скудных источниках по этому вопросу позволяет считать приведенные даты правления Ша-Ванджи-хана вполне вероятными. В таком случае выявляется первый существенный анахронизм в рассказе о разрушении крепости Сист: правление Ша-Ванджи-хана и китайское влияние в Гороне не только не современны, но разделены промежутком времени, в лучшем случае, порядка 25—30 лет.

¹ А. Стейн. Innermost Asia, II, 858, 880—881; Григорьев. О некоторых событиях..., стр. 100, сл. История появления и дальнейшего существования кашгарцев в Бадахшане подробно описана в „Тарихи Бадахшон“, лл. 33—38.

² Образец этой традиции см. также в „Истории Шугнана“, пер. А. А. Семенова Прот. Туркест. кружка любит. археол., г. XXI, Ташкент, 1917, стр. 1 и 2, где приводятся тексты эпиграфических памятников, существование которых, к сожалению, не подтверждено ни одним ученым-путешественником.

³ Тарихи Бадахшон, лл. 55^в, сл. и 85^в—86.

Инициатором разгрома крепости Сист и всего Горона в рассказе является Косим-ходжа, пир Мадмурод-бека, предводителя каттаганских узбеков. Истории хорошо известен эмир Каттагана Мухаммад Мурод-бек, в течение целого ряда лет владевший Бадахшаном и всей долиной Пянджа и умерший в 1258/1842 г. Мухаммад Мурод-бек окончательно утвердился в Бадахшане в 1829 г. Его правление имело самые губительные последствия для Бадахшана: цветущий край был разграблен и опустошен. Население было частью истреблено, частью уведено в Каттаган, частью продано в рабство. Английский путешественник Вуд, посетивший Бадахшан в 1837—1838 гг., красноречиво описывает бедственное состояние края.¹

Борьба бадахшанских эмиров с захватчиком Мухаммад Мурод-беком довольно подробно описана также в „Тарихи Бадахшон“ (л. 87—93), где, впрочем, для этих событий дана совершенно неверная хронология. В этом же источнике упомянут и Косим-ходжа (л. 92) — каттаганский ишан; этот ишан был одним из самых важных и доверенных сановников государства, как можно заключить из того, что Мухаммад Мурод-бек доверил ему наблюдение за уведенными в плен и содержавшимися в Талекане тремя сыновьями бадахшанского эмира Султан-шаха II по прозвищу „Мирзой Калон“.

Без всяких сомнений можно отождествить Мадмурод-бека и пира его Косим-ходжа, выступающих в рассказе о разрушении крепости Сист, с историческими лицами — каттаганским эмиром Мухаммад Мурод-беком и крупным духовным сановником его окружения — ишаном Косим-ходжа, упоминаемым в „Тарихи Бадахшон“. В таком случае, разрушение крепости Сист получает новую, расходящуюся с предыдущими, датировку — конец 20-х — начало 30-х годов XIX в., т. е. период захвата верховьев долины Пянджа Мурод-беком Каттаганским. Эта датировка и является, очевидно, единственно соответствующей действительности. Все остальные, изложенные выше, сведения являются вполне закономерными в условиях устной передачи слиянием воедино ряда существующих преданий о разновременных событиях с отнесением их к одному историческому факту.

Скудные сведения по истории Горона могут быть сведены следующим образом: Горон является культурной территорией с коренным таджикоязычным населением в припамирском окружении. Начало заселения правобережного Горона не поддается точному установлению, но в 40-е годы XIX в. оно еще продолжалось, хотя для этого периода и было, возможно, вызвано предшествовавшим опустошением долины Пянджа, и особенно более доступной правобережной части ее, узбеками. На протяжении своей истории Горон входил в территорию бадахшанских миров, а в периоды временного их ослабления попадал под влияния их политических противников, уделявших особое внимание горонским рубиновым рудникам. Так, например, в середине XVIII в. Горон входил в сферу кратковременного китайского влияния в Припамирье, затем в течение трех лет (с 1789 по 1791—1792 гг. н. э.) находился под властью дарвазского правителя Ша-Ванджи, а в конце 20-х годов XIX в. был захвачен и опустошен каттаганским эмиром Мухаммад Мурод-беком, после которого власть снова попадает в руки бадахшанских эмиров. Владение Гороном (правобережным) определялось владением горонской крепостью Сист, время возникновения которой

¹ О Мухаммад Мурод-беке см.: Минаев. Сведения, стр. 100, 101, 115; Григорьев. О некоторых событиях..., стр. 98, сл.; Кушкеки, стр. 11, в особенности примечание А. А. Семенова.

точно не определяется. Крепость Сист была разрушена Мухаммад Мурод-беком.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия Горон разделяет общую для всех припамирских стран судьбу в борьбе между Афганистаном и Англией, с одной стороны, Бухарой и Россией — с другой. Октябрьская революция включила правобережный Горон в семью советских народов.

Далее приводим два упомянутых текста, содержащих сведения по истории Горона в изложении горонцев. К ним присоединен третий текст, который очень выразительно показывает существующее в настоящее время отношение к советскому Горону среди широких кругов населения по ту сторону рубежа, в частности в родственном горонцам по языку Зебаке. Этот текст записан от зебакского уроженца, 18-летнего пастуха *partovi*, по прозвищу *qaloti*. Партови рассказывает историю своего переселения в Горон. Как уже упоминалось, несколько лет, проведенных им в Гороне, повидимому изгладили в его речи те отличия, которые все же несомненно существуют между горонским и зебакским диалектами.¹

Повествовательные тексты

raim, 115 лет. *vogz*.

1 *yaltidim ba badaxšon ūnjo bisyor xonadori kardim* 2 *ūn vaxt mīri šo būd šoyōi šəynon az dasti ū dar šəynon būdand* 3 *mīri šo mērd-u jondoršo bačaš mīr šəd* 4 *navad sol dar injo omadim az afyoniston az yoroni bolo* 5 *gəzaštīm garmčašma bistsolá albatta būdim obodī na būd* 6 *ba'd kūyla'l omadim obodī kardim* 7 *peš az qiobek mo kadxədo būdim dar garmčašma mo hamsoya būdim* 8 *iria ki omadim kəll čul būd qalái sist vayrona būd naqšái qala būd* 9 *peš az əzbak obod būd əzbak čul kardand mək-u qalá* 10 *əzbak az qattagon omada būd xədaš raft* 11 *əzbak oli ūnjo šištast dar zeri nūgini afyoniston* 12 *qattagon aloid būd afyoniston aloid ba'd afyoniston zūr kard məkli šəynón-am gürüft* 13 *bá'd az i manjət omad əkūmati niqalay qatī amro^h podšoī mekardand* 14 *ba'd zarūbīn omad ozodíra ba mo fahmond dáuri ozodī šəd.*

Перевод

1. Попали в Бадахшан, там много хозяйствовали. 2. В то время был [правителем] Мйри-Шо, шахи Шугнана в Шугнана в зависимости от него были. 3. Мйри-Шо умер и миром стал его сын Джондоршо. 4. Девяносто лет [тому назад] мы сюда пришли из Афганистана, из Верхнего Горона. 5. Перешли [реку, прибыли] в Гармчашму, двадцатилетним конечно был я [тогда], поселения [там до нашего прихода] не было. 6. Потом перешли в Куйлаль, обжили [его]. 7. Раньше Киобека я женился, в Гармчашме мы соседями были. 8. На эту сторону когда пришли, вся [местность] дикой была, крепость Сист была разрушена, были остатки крепости. 9. До узбеков она была целой, узбеки разорили местность и крепость. 10. Узбеки из Каттагана приходили, [потом] сами ушли. 11. Узбеки сейчас там сидят, под державой Афганистана. 12. Каттаган был самостоятельным, потом Афганистан [его] осилил, захватил и государство Шугнана. 13. После этого Мангиты пришли, вместе с властью Николая II, вместе правили. 14. Потом Зарубин пришел, свободу нам растолковал, время свободы настало.

¹ Пастуху Партови и дяде его, кузнецу Шакару, принадлежит также несколько других записанных мною текстов.

māmad azīm, 41 roḡ sist.

tarixi yoron

1. az awwāli ol yak azór-u pansad xona amín yoron bədst ūriya iriya jam'-ul jam 2 peš az dəsad sol ki boboi mo bəzbala bədst amín oḡisa gəzašt 3 yake madmərød bek kaloni əzbak yo mo'yul gəftagi ki dar qattagoni badaxšon našinəmaš piri vay qosəm xūja ixtiyor kardast yoróna šikastan 4 paltāni xəda farmoiš kardast ki yorona biškanid ki ūnho mazhābi ismoili dorand kofir hastand čənonči az piri qosəm xūja rivotat giriftast ki yazo lozim ast 5 sarkardai faujo azīm bodər nom doštast 6 bad miyoyand ba rohi varduj va ba rohi zebok 7 dar šəkošəm xambida yak odam mef'ristonand ba f'reb ba peši miri tūra ki okimi kalon dar qalai sist sari koni lāl-u sari xalq šištagi az tarafi ba'ajin tobfi xitoy 8 va peši oqsaqolo hay mek'nad ki biyoyad ba šəkošəm ki madmərød bek omodast ba šəmo xil'at medihad 9 miri tūra xəda na raftast oqsaqoloi xəda mef'ristonand ba peši miri madmərød bek 10 ino meravand dar šəkošəm dar ūjo salom mek'nand mebinand ki mir nest laškar ast 11 pərsoni mek'nand ki mir ki moro xostast kəjo ast 12 azīm bodər javob dod ki mo xostim ba mo ba kor asted 13 bad inóra girifta bast va laškaraš qatí darūni yoron daromad qalai sistā gird kard pečond 14 miri tūra šab dar rūi kemā yo ki sa'l va sənəč mešinad va meg'rezad dar šəynon ba peši ša-vanji xon ki kaloni šəoi šəynon bədst 15 amín əzbak qalāra dār-megirād xizmatgoro bečora kəll mesūzand 16 bad azīm bodər yoróna meš'kanad mard-u zāna peš mendozad mebarad ba darūni qattagon ba sikkai xəda 17 čizi kasali mešavad rūi ra čizi digar dar rūi ra mem'rad digara merasonad ba peši miri madmərød bek 18 bād-az in ū millati mardəmi yoróna juyoi mešavad ki šəmo dar kadom mazhab asted 19 ino megūyand ki mo əmmati payğombār astim məsəlmonii xəda javob medihand 20 bad miri madmərød bek megūyad ki maro qosəm xəja ʔalat gəfta ast šəmo az məsəlmonii xəda xabar bəded 21 ūnora ba məlki qattagon vatandor mek'nad čan solo mešinand boz ixtiyori vatan mek'nand 22 bād-az miri madmərød bek miroi badaxšon zūr kardand 23 bād boz afyoniston šəd hāmmai miroi qattagon va šəoi šəynon hammagira gəm kard 24 bād az on əkūmati niqoloy omad manʔət-qatí ərəsó nizomi manʔət məlki 25 bād-az in əkūmati šūro vadaí ozodí.

Перевод

1. Сначала тысяча пятьсот домов в этом Гороне было, на том берегу, на этом — всех вместе. 2. Более двухсот лет тому назад, когда дед мой мальчишкой был, такое событие произошло. 3. Некого называемого Мадмурод-беком, предводителя узбеков или монголов, которых местопребывание в бадахшанском Каттагане — пир Косим-ходжа восхотел Горон разбить. 4. Войскам своим [Мадмурод-бек] приказал: „Горон разбейте, они [т. е. жители Горона] привержены исмаилизму, они неверные“ — так [сказал] как от пира своего Косим-ходжа указание получил о том, что война за веру необходима. 5. Начальника войск Азим Бодур звали. 6. Затем идут [войска узбеков] через Вардудж и через Зебок. 7. Спустившись в Ишкошим, посылают одного человека с обманом к Мюри Тура, который был в крепости Сист главным хокимом над рубиновыми рудниками и над народом от Бааджина, подданного Китая 8. и к [его] аксакалам, зовут, чтобы пришел [Мюри Тура] в Ишкошим: „Прибыл в Ишкошим Мадмурод-бек, вам почетный халат даст“. 9. Мюри Тура сам не поехал, аксакалов своих посылает к эмиру Мадмурод-беку. 10. Они отправляются в Ишкошим, там совершают салам, видят, что эмира нет, войско есть. 11. Спрашивают: „Эмир, который вызвал нас, где?“ 12. Азим Бодур ответил: „Я вызывал, мне вы нужны“. 13. Затем

их, схватив, связал и вошел с войском в Горон, окружил крепость Сист, обложил. 14. Мир Туре ночью садится в челн и бежит в Шугнан к Шаванджи-хану, который был главным шахом Шугнана. 15. [А] эти узбеки крепость зажигают, все челядинцы бедные сгорели. 16. Затем Азим Бодур Горон разбивает, мужчин и женщин сгоняет, уводит в Каттаган, в свои владения. 17. Часть [пленных] заболевает, часть в дороге мрет, других доставляют к эмиру Мадмурод-беку. 18. Затем он у людей Горона начинает выпытывать: „Вы какой вере принадлежите?“ 19. Они говорят: „Мы к общине пророка принадлежим“, мусульманство свое объявляют. 20. Тогда эмир Мадмурод-бек говорит: „Мне Косим-ходжа неверно сказал, вы [оказывается,] о мусульманстве своем осведомлены“. 21. Их в Каттагане поселяет, несколько лет сидят [там], затем снова на родину направляются. 22. После эмира Мадмурод-бека эмиры Бадахшана взяли силу. 23. Затем снова Афганистан появился, всех эмиров Каттагана и шахов Шугнана целиком истребил. 24. После этого власть Николая пришла вместе с мангитами, русские — военная [власть], мангиты — гражданская. 25. Затем власть советская, эпоха свободы.

partovī qaloti, 18 лет. Летовка xīne.

1. mēlki zevok az iškōšēm bolo qišloqoi porsīgūy dorad dašti rūbod goūxona xəbxon nečūn¹ bozgir qazdon iskitūl. 2 dar qišloqi zevok zamīmi bisyor doštīm va az ūnjo na tonīstīm xūrdan zəlmi afyon 3 ūnho jondor giriftan ʔalla giriftan 4 az ūnjo firor šədim ʔarib omadim ba ʔoroni bolo 5 da ʔoron šaš sol čūpon būdim va ʔallā jondor haqqi mihnati mara na dod 6 ba injo šaʔ az yax gəzaštīm qatī kūč-u bač dəxtaro bačaho yak jiyam² būd hammaimon dəvozda nafar.

Примечания

1. nečūn — знак ɕ применен для выражения заимствованной (?) согласной фонемы, оставлявшей впечатление весьма эмфатического русского ɕ.

2. jiyā — в объяснении рассказчика modar (шугнанское?).

Перевод

1. Страна Зебак [находится] выше Ишкошима, имеет персоязычные кишлаки — Дашти Рубод, Гоухона, Хубхон, Нецун, Бозгир, Каздон, Искитуль. 2. В кишлаке Зевок мы много земли имели, но там прокормиться не смогли, из-за притеснения афганцев. 3. Они скот отбирали, зерно отбирали. 4. Оттуда убежали мы, странниками стали, пришли в Верхний Горон. 5. В Гороне шесть лет был я пастухом; зерно, скот — плату за мой труд не отдали мне. 6. Сюда перешли ночью, по льду, с пожитками и семьей (девочки и мальчики); мать моя также была. Всех нас двенадцать человек.

I. Некоторые термины родства

xəzūr, xəser
zenor
xūšdoman
zanəvar
qazangol
boja
yanna
yanga
amboʔ
amoq
amma
taʔa\
xola\
zanxoləq

отец мужа.
жена сына в терминологии отца.
жена сына и мать мужа в терминологии матери.
так называют друг друга жены братьев.
так женатые на сестрах называют сестру жены.
женатые на сестрах.
сестра мужа в терминологии жены.
жена брата в терминологии сестры.
так называли друг друга жены одного мужа.
дядя по мужской линии.
тетя по мужской линии.
то же по женской линии.
жена taʔa.

birodarzoda }
 xəvarzoda }
 biyor-miyor
 baçaamaq
 baçaxola
 navosa, nabira
 bobokalon
 şiramşir
 padarşir, modarşir
 birodarxon, xəvarxon

племянники.
 родственники, родня.
 кузены по мужской линии.
 кузены по женской линии.
 внук, вучка.
 дед, прадед.
 молочные братья.
 названные отец и мать.
 названные брат и сестра.

II. Некоторые термины молочного хозяйства (летовка Хинэ)

kəmbək	большой глиняный кувшин, в котором квасят молоко.
kūza	глиняный кувшин для свежего молока.
parrək	деревянная мешалка для сбивания масла.
çaʔs	фильтр для процеживания молока.
kəreç, k° reç, kələç, k° leç	дом на летовке, в котором живут и обрабатывают молоко.
qərūjt	особый сыр, заготавливаемый впрок.

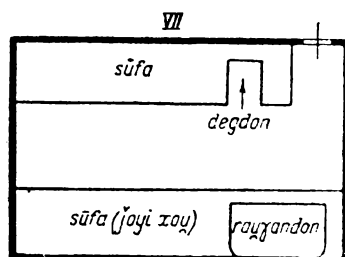
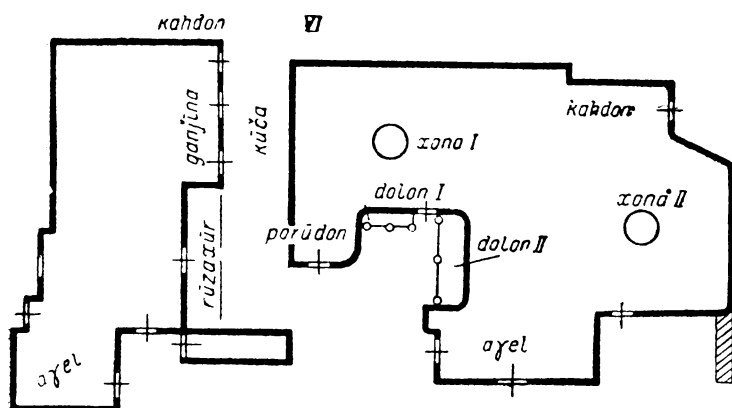
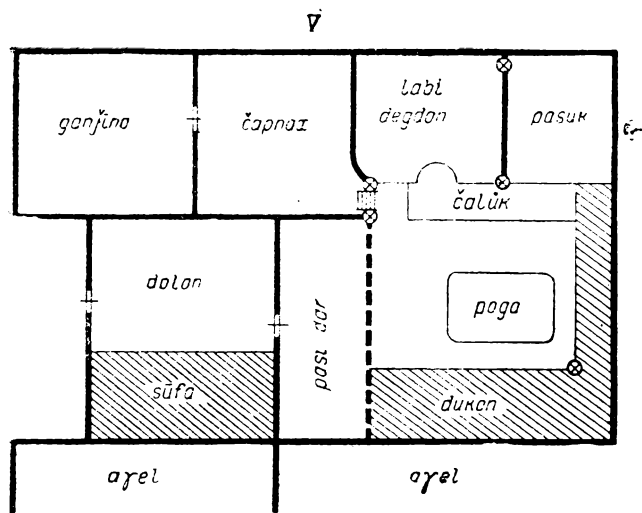
III. Части фитильного ружья (кишлак Суниб)

kamon	ружье.
poşna	приклад.
qəndoq	цевье.
rəx	ствол.
moşa	курок.
pilta	фитиль.
qapçak	собачка.
qalaur	прорезь и мушка (вероятно, из qaraul).
dəgaza	сошки.
degça	полка.
səmba	шомпол.
dorü	порох.
tir	пуля.

IV. Части прялки¹

çarx	прялка.
düg	веретено.
borsek	малое передающее колесо на веретене.
dəşoxək	подшипник веретена.
poçək	отдельная станинка для веретена.
tanou	шквив.
güşek	ручка для приведения в движение большого колеса.
yaltek	ось большого колеса.
par	шпы на ободе большого колеса (на них наматывается шерсть).
xomək	готовая пряжа.
gola	шерсть до обработки на прялке.

¹ Название частей прялки yidgha см. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, II, Приложение. Кроме названия самой прялки термины не сходятся. Различны и конструкции прялки.

План Горовского дома¹

¹ План дома yidgha — см. Моргенштерне, цит. раб., II, приложение. Описание Бадахшанского жилища в Джирме; Минаев. Сведения, стр. 191. Подробное описание жилища в горном Таджикистане см. в интересной статье Н. А. Кислякова, Советская этнография, 1939, 2.